

18+

Александр Остроухов

АРУТ

Александр Остроухов

Арут

«Издательские решения»

Остроухов А.

Арут / А. Остроухов — «Издательские решения»,

«У шестилетнего Арута есть бабушка, карандаши и целый мир, который можно нарисовать. А ещё есть интернат, где не всегда понимают. И одна разбитая корзина, после которой ничего не будет как прежде. Это история о трещинах, через которые проходит свет. О том, как не разбиться самому. И о рисунках с крыльями — для тех, кто боится упасть». «Через трещины проходит свет. Даже в старой банке».

© Остроухов А.

© Издательские решения

Арут

Александр Остроухов

© Александр Остроухов, 2026

ISBN 978-5-0070-0664-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этот день начинался в конце лета. На улице играло солнце, а ветер разносил шёпоты и свободно бежал по улице, целуя в лицо прохожих. И тут — она. Лидия Семёновна. Светло-рыжие волосы, пятьдесят пять лет, женщина, которая вела за руку внука по имени Арут. Её лицо с удивительно сохранившейся молодостью помнило много человеческих переломов на своих руках. Но самое главное — это тепло её внука.

Они как раз подходили к подъезду старой коммуналки на улице Садовой, когда со стороны перекрёстка донёсся нарастающий рокот. Из-за поворота выкатилась потрёпанная «копейка» цвета выгоревшей вишни, чихнула глушителем и остановилась прямо у тротуара.

— Лида! Лида, погоди!

Из машины выбралась тётя Нина — грузная, с короткой стрижкой седых волос и с вечным портсигаром в кармане куртки. Она не закрыла дверь, а сразу полезла на заднее сиденье, заворочалась, вытаскивая тяжёлую пластмассовую корзину.

— На, забирай. Огурцы свои, помидоры. Капусту тоже засолила, — она поставила корзину на асфальт, выпрямилась и перевела дух. — Ты думала, я забыла? Нет, Нина не забывает.

— Ниночка, спасибо большое, — Лидия Семёновна отпустила руку Арута и шагнула к подруге. — А как ты доехала? Дороги ещё те.

— Да нормально, моя ласточка тянет. Сережа, царствие небесное, мотор перебирал прошлой осенью, — тётя Нина махнула рукой в сторону машины, потом глянула на Арута. Тот стоял чуть поодаль, разглядывая корзину. — А это твой помощник? Большой уже. Здравствуй, Арут.

— Здрааавствуйте, — тихо протянул он, не поднимая глаз.

— Стеснительный, — усмехнулась тётя Нина. — Ладно, Лида. Я поеду. А то масло опять подтекает, не хватало ещё посреди города встать. Корзину потом вернёшь, не спеши. Старая она, но крепкая. Ещё моя свекровь в ней соления носила.

Она хлопнула дверцей, завела мотор с третьего раза и укатила, оставив после себя облачко сизого выхлопа.

Лидия Семёновна постояла секунду, глядя вслед, потом наклонилась, взялась за ручку корзины — и тут же поморщилась. Тяжёлая.

— Арут, солнышко, ты дверь откроешь? А я корзину занесу.

Но он уже смотрел на неё своими большими глазами, в которых читалась просьба. Та самая.

— Бааабушка, ааа можно яая сам?

Аруту тогда было шесть. Он ещё не растягивал гласные так сильно, как позже, — только чуть-чуть, будто примерялся. Лидия Семёновна засомневалась на секунду: корзина была тяжёлой даже для неё. Но увидела его глаза.

— Осторожно, солнышко. Только до порога.

Он взялся обеими руками. И в тот же миг пластмасса под его пальцами хрустнула — негромко, но отчётливо. Старая, выцветшая корзина не выдержала. Кусок отломился, и Арут, растерянно сжимая этот обломок в одной руке, почувствовал, как корзина кренится, тянет вниз. Он не успел ничего сделать.

Звук падения был глухим. Банки покатались по полу. Одна разбилась. Другая. Огурцы и помидоры выкатились на мрамор коридора, и рассол растёкся жёлто-зелёной лужей.

Лидия Семёновна смотрела на разбитую корзину и вдруг поняла: она забыла. Забыла, что корзина старая. Что её нельзя давать ребёнку. Что надо было переложить банки в другое ведро. Но она задержалась, когда общалась с тётей Ниной, забила голову — и забыла.

Арут замер. Он смотрел на это не как на беспорядок — он смотрел на это как на конец мира. Его губы задрожали, и сначала не было звука, только открытый рот и слёзы, которые хлынули сразу, без предупреждения. А потом вырвался тот самый звук, который другие дети издают, когда теряют что-то навсегда. Он упал на колени прямо в рассол и закричал — нет, завыл:

— Яаяая не хоте-е-ел! Бааабушка! Я разби-и-ил! Я всё-о-о!

Он не мог остановиться. Слёзы мешали дышать, и каждое слово приходилось вытягивать, как нитку из размотанного клубка. «Простиии» — превращалось в бесконечное «ииии». Лидия Семёновна не сказала ни слова. Она села на корточки прямо в эту лужу, не обращая внимания, что её старенькие кожаные ботинки промокли. Сначала она взяла его руки — маленькие, липкие от рассола — и посмотрела: нет ли порезов от стекла. Потом обняла.

И тут — то самое движение. Её рука легла ему на бедро. Не на плечо, не на спину. На бедро. Чуть приподняла, прижимая к себе, и Арут почувствовал, как его тело перестаёт трясти. Она не кричала. Она не говорила «ничего страшного» — потому что для него это было страшно. Она сказала тихо, почти шёпотом в его макушку:

— Это просто банки, Арут. Овощи. Мы новые закроем. А ты у меня — целый. Слышишь? Целый. Это я забыла про корзину. Не ты.

Он плакал ещё долго. Минут двадцать, может, полчаса. А она сидела с ним на полу, среди огурцов и капусты, и её рука не убиралась с его бедра. Когда он наконец затих, всхлипывая через каждые несколько вдохов, она сказала:

— Пойдём собирать. А потом ты нарисуешь мне что-нибудь. Красивого робота или дракона. Договорились?

«Пойдем собирать». Эта фраза уколола его сильнее, чем пощёчина. Он поднял голову и посмотрел на неё странно, не естественно, будто напуганно. Он побежал в открытую кладовую коммуналки, начал метаться в поисках тряпки и веника.

— Арут, ты чего? Что такое, мальчик?

Она встала сразу же, как тот сорвался в помещение кладовой, и ровным шагом начала идти.

В кладовке пахло старыми тряпками и мылом. Арут хватал всё подряд: тряпку, веник, совок. Выронил веник, поднял. Его дыхание было прерывистым, и каждое «и» в невысказанных словах клокотало в горле без звука. Он не плакал уже — он работал.

— Арут. — Голос Лидии Семёновны был ровным, но в нём проступила тревога. — Остановись. На секунду.

Он не слышал. Или слышал, но не мог остановиться. Он выбежал из кладовки с веником и тряпкой в руках, чуть не споткнулся о порог, упал на колени в лужу — снова — и начал с остервенением сметать осколки и огурцы в одну кучу. Веник был слишком жёстким, он размазывал рассол, а не убирал его.

— Арут.

Она подошла и опустилась рядом. Не взяла веник — просто положила ладонь поверх его дрожащих пальцев, сжимавших черенок.

— Ты не один убираешь, — сказала она тихо. — Я сказала «пойдём собирать». Вместе. Не ты один. Вместе.

Он замер. Грудь ходила ходуном. Он смотрел на её руку, потом на размазанный рассол, потом снова на неё.

— Нно яяя... — выдохнул он. — Яя разби-и-ил. Знааачит яя и буду собира-а-ать...

— Не так, — перебила она мягко, но твёрдо. — Вместе значит вместе. Возьми тряпку. Я буду поднимать банки, а ты вытирать. Идёт?

Он молчал. Потом медленно кивнул. Она забрала веник, отставила в сторону, протянула ему тряпку. Их пальцы встретились — его всё ещё дрожали.

— Дыши, — сказала она. — Просто дыши. Не надо слов.

Он вдохнул. Шумно, с присвистом. Выдохнул. И начал вытирать.

Лидия Семёновна сложила осколки в целлофановые пакеты, а крупные куски стекла положила в уцелевшее дно корзины — туда, где раньше были ручки. Арут всё ещё плачет, вытирая пол большой тряпкой из кладовой.

— Бааабуль, я подвёл тебя...

Он не поднял головы. Тряпка хлюпала в рассоле, и он водил ею по линолеуму кругами, слишком сильно, слишком быстро, будто хотел протереть дыру.

Лидия Семёновна остановилась с пакетом в руках. Посмотрела на него — на вздрагивающие плечи, на мокрые коленки, на то, как он старается не всхлипывать, но всё равно всхлипывает.

— Ну что ты, глупенький, — сказала она негромко. — Разве ты мог меня подвести?

Он не ответил. Только тряпка замерла на секунду, а потом снова задвигалась — ещё быстрее.

Она вздохнула, докинула в пакет последние мелкие осколки, завязала узлом. Потом взяла дно корзины — то самое, треснутое, с обломанным краем — и аккуратно сложила в него крупные куски стекла.

— Смотри, — сказала она. — Я всё собрала. Ничего не потерялось. Осколки — в пакет, стекло — в корзину. Порядок.

Она говорила спокойно, будто ничего особенного не случилось. Будто разбитые банки и рассол на полу — это просто мелкое бытовое происшествие.

Арут наконец поднял голову. Его лицо было мокрым, красным, глаза сильно размокли. Он посмотрел на корзину — на её пустое дно, на торчащие осколки — и снова дёрнул плечом.

— Оона же... стараая была... — выдохнул он. — Бааабушка...

— Старая, — согласилась она. — И я забыла, какая она старая. Это я подвела, если честно. Не ты.

Она подошла, опустилась рядом на корточки — совсем близко. Её рука снова нашла его бедро, легла привычным, успокаивающим движением, чуть приподняла.

— Арут. Послушай меня. Я тебе сейчас что-то скажу, и ты постарайся запомнить.

Он шмыгнул носом, вытер щёку тыльной стороной ладони — липкой от рассола.

— Когда человек что-то разбивает не нарочно, это не называется «подвёл». Это называется «случайно». А случайно — значит, никто не виноват. Понял?

Он молчал. Потом медленно кивнул. Но по глазам было видно — не поверил до конца. Детская вина не уходит от одного правильного слова. Ей нужно время.

— Пойдём, — сказала она, вставая и протягивая ему руку. — Осколки выбросим, пол ещё раз протрём чистой тряпкой. А потом...

Она задумалась на секунду.

— А потом ты мне нарисуешь что-нибудь. Что хочешь, внучок. Что-то, что хотелось бы тебе. Ладно?

Он взял её руку. Встал. Колени дрожали, но он сделал шаг. Потом ещё один.

— Хорошо, бабуль — прошептал он. — Только яяя... я не знаааю что.

— Придумаем, — улыбнулась Лидия Семёновна. — У нас весь вечер впереди.

Вечер для Арута выдался насыщенным и травматичным для него самого. Первые минуты мальчик молча сидел и смотрел в точку. Арут никогда не любил показывать слёзы, но сейчас они текли сами. И слёз невысказанных было так много, что они могли соревноваться с дождём. Он сидел перед настольной лампой, поставив правую руку на локоть, подперев голову, глядя куда-то ниже стола или на стену — в одну точку. Не понять.

Лидия Семёновна не зажигала верхний свет. Только эта лампа — жёлтый круг на выцветшей клеёнке, и полутьма по углам. Она сидела рядом, на старом табурете, и не говорила ничего. Перебирала в уме слова, которые хотела бы сказать, но все они казались чужими.

Иногда она протягивала руку — просто коснуться его плеча, спины. Он не отодвигался, но и не откликался. Как будто ушёл внутрь себя, в ту точку на стене, которую видит только он.

— Арут, — тихо позвала она. — Может, чаю?

Он не ответил. Только веко дёрнулось.

Она вздохнула, встала, поставила чайник. Гремела кружками — негромко, стараясь не раздражать. Налила ему в его любимую кружку — с потрескавшейся эмалью и синим рисунком корабля. Поставила рядом.

— Хочешь, я расскажу тебе что-нибудь? — спросила она, садясь обратно. — Про то, как ты маленький был?

Молчание. Потом — едва заметный кивок. Она не была уверена, почудилось ли.

— Ты знаешь, — начала она осторожно, — когда тебе было два года, ты очень любил смотреть на луну. Я выносила тебя на балкон, ты тыкал пальцем и кричал: «Ля-ля!» Не «луна», а «ля-ля». И смеялся. А потом... — она запнулась. — Потом ты перестал просить луну.

Она не договаривала: «Потому что мама уехала». Или «потому что папа...» Она не договаривала много чего.

Арут всё так же сидел, подперев голову. Но его дыхание становилось чуть глубже. Она не видела его лица — только макушку, тёмные вихры, которые давно пора было подстричь.

— А как-то раз, — продолжила она, — ты нашёл на улице мёртвого голубя. И плакал. Целый час. Я не знала, как тебя успокоить. А потом ты нарисовал его. На асфальте, мелками. И сказал: «Он теперь тут живёт».

Она улыбнулась, но улыбка вышла грустной.

— Ты всегда рисовал то, что не мог сказать.

Тишина. Чайник на плите уже отключился, остывал. За окном темно, только фонарь качал ветку.

— Бабуль, — вдруг сказал Арут, не поднимая головы. — Ааа они... они знааают, где яяя?

Она замерла. Сердце пропустило удар. Она знала, о ком он спрашивает. О родителях. Тех, кто оставил его ей пять лет назад и не давал о себе знать.

— Я не знаю, внучок, — тихо ответила она. — Я правда не знаю.

Он снова замолчал. И больше не спрашивал.

Она хотела добавить что-то обнадеживающее, но не могла. Не умела врать. И боялась, что правда — даже та, которую она знала не до конца — будет для него слишком тяжёлой.

Вместо этого она встала, подошла к настенному буфету, достала старую фотографию — ту, где Аруту года три, а она держит его на руках у того самого балкона. Положила рядом с его кружкой.

— Посмотри, — сказала она. — Тут ты улыбаешься.

Он медленно перевёл взгляд. Посмотрел на фотографию. Слёзы уже не текли, но в глазах — та самая влага, которая не высыхает до конца.

— Яяя помню, — прошептал он. — Ля-ля.

Она не выдержала. Обняла его — осторожно, не сжимая. Её рука нашла его бедро, чуть приподняла. Он не сопротивлялся. Положил голову ей на плечо.

— Всё будет, Арут, — сказала она в его волосы. — Я с тобой.

Он не ответил. Но она чувствовала, как его тело понемногу расслабляется.

Из зала донёлся звонок. Лидия Семёновна почти резко, но плавно обернулась, будто её кто-то тронул. Громкая мелодия кнопочного телефона разрезала ткань тишины. Она повернулась обратно к внуку, улыбнулась краешком губ и басистым шёпотом сказала:

— Я вернусь. Посиди здесь, мой малыш.

Она вышла в коридор, прикрыла за собой дверь. На экране — «Нина». Взяла трубку.

— Слушаю, Ниночка.

— Лида, привет. Не спишь ещё? — голос тёти Нины был бодрый, но с хрипотцой — курит, наверное.

— Нет, не спим. Арут сегодня... тяжело.

— А что случилось? — Нина сразу сменила тон. — Слышу, голос у тебя невесёлый.

— Да корзину твою... помнишь, старая? Он хотел помочь, взял, а она треснула. Банки разбились, рассол по всему полу. Я забыла, что она старая. Про ручки корзины забыла тогда, а потом... — она замолчала, подбирая слова.

— Ох, беда, — вздохнула Нина. — Но это не страшно, Лида. Корзина — хлам, а банки... ну, что уцелело? Варенье, огурцы?

— Некоторые банки сохранились. Клубничное варенье, огурцы, которые удалось подхватить. Но дело не в банках. Он так плакал... ты бы видела. Всю вину на себя взял. Я ему говорила: «Это я забыла», — не верит.

— Бедный мальчик, — послышался приглушённый выдох, будто Нина затягивается. — У него с детства так. Чуть что — сразу в слёзы и «виноватит» себя. Помнишь, как голубя нарисовал?

— Помню, — тихо сказала Лидия. — Он сегодня опять сидит, в одну точку смотрит. Я ему про родителей не говорю, а он сам спросил: «Они знают, где я?» Я не ответила.

— А что ты ему скажешь, Лида? Правду? Что его мать, твоя дочь, с этим... хахалем своим укатила на север пять лет назад — и ни письма, ни звонка? — Нина не осуждала, скорее сочувствовала. — Он ведь ещё маленький. Не поймёт.

— Когда он был совсем крохой, я думала: подрастёт — объясню. А он растёт, и я всё боюсь. Боюсь, что сломается. Он же такой хрупкий. И эта его речь... эти растянутые гласные. Дразнить ведь будут. А без родителей — ещё больше.

— Ты у него есть, — напомнила Нина. — И ты сильная.

— Сильная, — горько усмехнулась Лидия. — А толку? Дочь моя связалась не пойми с кем, бросила ребёнка мне на руки и исчезла. Я её вырастила, думала — человек будет, а она... — она замолчала, сглотнула. — Теперь Арут — всё, что у меня есть. И я каждый день боюсь, что его тоже отнимут.

— Не отнимут, — твёрдо сказала Нина. — Ты его бабушка. И пока ты жива, никто не вправе. А если что — я рядом. Поняла?

— Поняла, — тихо ответила Лидия. — Спасибо тебе, Ниночка.

— Да брось. Ладно, поздно уже. Иди к нему. Уложи спать. И себе налей чаю с мятой. Утро вечера мудренее.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— И тебе.

Лидия Семёновна нажала завершила разговор, ещё секунду постояла в коридоре, глядя в стену. Потом выдохнула, разгладила лицо ладонями — и вернулась в комнату.

Арут не сдвинулся с места. Всё так же сидел, подперев голову, но уже не смотрел в точку — смотрел на дверь. Ждал её.

— Это тётя Нина? — спросил он тихо. — Она... злится и из-за корзины?

— Нет, внучок. Нисколько. Она сказала, что корзина старая и ей всё равно. И передавала тебе привет.

Арут кивнул, но в глазах всё ещё была неуверенность.

Лидия села рядом, положила руку ему на затылок — просто так, без слов.

— Ложись спать, — сказала она. — Завтра выходной. Можем целый день рисовать. Хочешь?

Он поднял на неё глаза. Медленно кивнул.

— Хочу, — прошептал.

Она помогла ему раздеться, укрыла пледом. Погасила лампу. Села рядом в кресле, смотрела, как он закрывает глаза, как дыхание становится ровнее.

«Не отнимут», — повторяла она про себя слова Нины.

Уснув в темноте, слышался зевот бабушки. Дом окутан мягкой постелью темноты, в коей дышали старые восковые фонари, что любила делать Лидия Семёновна и зажигала некоторые из них ночью. Сон Арута в этой пелене был на данный момент спокойный, но с тревогой о тех разбитых банках. Внук изредка перекалывался на другой бок, еле слышно вздыхая. Через какое-то мгновение сознание Арута уткнуло в сон.

Лидия Семёновна не спала ещё какое-то время. Сидела в кресле, смотрела на жёлтый огонёк в одном из фонарей — тот, что она сделала из старой банки и огарка свечи, мерцал на подоконнике. Тень от него ползла по стене, как живая. Она думала о своём: о Нине, о разбитой

корзине, о дочери, которая бросила сына. Потом перевела взгляд на внука — его лицо в полумраке казалось совсем детским, хотя ему уже шесть. Вздохнула, перекрестила его в воздухе — по привычке, оставшейся от своей матери. И только тогда закрыла глаза.

Ночь текла дальше. Фонари догорали один за другим, комната погружалась в серую предрассветную мглу. В тишине было слышно, как тикают ходики на кухне, как где-то за стеной просыпается и затихает соседский пёс. Арут перевернулся на живот, поджал под себя ногу — и замер. Ему снилось что-то липкое, солёное: то ли рассол, то ли слёзы. Но он не плакал во сне. Только брови чуть сдвинуты.

Утро.

Свет пробивался сквозь занавески — не резкий, августовский, уже не по-летнему томный. Где-то за окном начинали возиться воробьи. Арут открыл глаза первым. Не сразу понял, где он, потом увидел знакомый потолок с трещиной, похожей на молнию, — и выдохнул.

Рядом, в кресле, всё ещё спала бабушка. Голова набок, рот приоткрыт, руки сложены на груди. Старые тапки валялись на полу. Арут смотрел на неё минуту, другую — и тихо, чтобы не разбудить, сел на кровати.

Ноги сами понесли его на кухню. Он умел наливать воду из графина — взял кружку, потянулся к полке, но не достал. Пришлось встать на табуретку. Пил маленькими глотками, глядя в окно. Там, на ветке тополя, сидел голубь. Обычный. Серый.

— Ну здравствуй, — прошептал Арут. — Ты бы то... не разбиваешь ничего.

Голубь наклонил голову, будто слушал, и улетел.

На плите — кастрюля с остывшей кашей. Вчерашняя. Арут снял крышку, понюхал. Есть не хотелось. Он вернулся в комнату, сел на пол, вытащил из-под кровати коробку с карандашами. Они почти все короткие, стёсанные. Бабушка обещала новые к школе — через пять дней первое сентября.

Он достал чистый лист — мятый, потому что лежал в коробке без дела. Положил перед собой. Смотрел.

Бабушка ещё спала.

Арут взял простой карандаш, провёл первый круг — неровный, дрожащий. Помидор. Он не выбирал. Рука сама помнила.

Через несколько минут Лидия Семёновна проснулась от тихого шороха. Открыла глаза, увидела внука на полу, склонённого над листом. Его язык чуть высунут от усердия.

— Доброе утро, — сказала она хрипло. — Ты чего не спишь?

— Ужее встал, — не оборачиваясь, ответил Арут. Потом замер, посмотрел на свой рисунок, нахмурился. Повернул голову к бабушке:

— Бабушкааа, аа... рисунааак может грустить?

Она села, потёрла лицо руками.

— Может, — сказала. — Если его забыли или... если он один.

Арут кивнул, будто проверял свою мысль, и снова посмотрел на лист. Бабушка не вставала. Сидела, наблюдала, как его пальцы сжимают карандаш, как он почти касается бумаги, но не решается.

— Яяя нарисую весёлый, — решил он наконец. — Потом.

И отложил карандаш.

После того случая с корзиной Арут изменился.

Не сразу. Первое время он вообще почти не брал в руки карандаши — сидел, смотрел в окно, трогал края стола. Лидия Семёновна не торопила. Она знала: так бывает, когда внутри что-то треснуло, как та корзина.

Потом он начал рисовать снова. Но уже не так, как раньше. Если до разбитых банок он рисовал быстро, весело, почти не глядя, то теперь каждый штрих давался с осторожностью. И теперь это были банки, овощи. Он подолгу рассматривал свой нарисованный помидор перед тем, как провести линию. Поправлял. Стирал. Снова начинал. Арут теперь рисовал только овощи.

Рисунки выходили кривыми. Но узнаваемыми.

— Ничего, — говорила бабушка, глядя на очередной помидор, похожий скорее на красную тряпку. — Рука набьётся, внучок.

Арут молча кивал и продолжал.

Проходит время. Август близился к концу. И в один из серых дней, когда небо затянуло и пошёл дождь, он сел рисовать под открытое окно. Вода стучала по подоконнику, ветер приносил запах мокрой листвы. Арут рисовал долго, не отрываясь. А когда закончил — позвал бабушку.

На листе была банка. Обычная стеклянная банка, но в ней — словно заперто что-то живое. Свет, тени, капли на стекле — всё было на своих местах.

— Это... — Лидия Семёновна не договорила.

— Это та, что уцелела, — тихо сказал Арут. — С огурцааами.

Она долго смотрела. Потом повесила рисунок на стену — рядом с первыми весёлыми рисунками Арута.

С тех пор Арут рисовал особенно красиво именно под дождь. Словно сама природа помогала ему. А может, в шуме воды ему было легче не слышать тревожных мыслей.

Бабушка замечала его красоту позже. Не сразу. Сначала она видела просто внука — родного, привычного. А потом, однажды, когда он сидел на подоконнике и перебирал карандаши, свет упал на его лицо, и Лидия Семёновна вдруг подумала: «А он ведь растёт красивый, хороший. И не знает об этом».

Она не сказала ему тогда. Побоялась спугнуть.

На столе в аккуратной тарелочке лежали вчерашние огурцы, хлеб, масло. За окном — август, который кончится через пять дней. Арут смотрел на помидор, потом на бабушкину спину в стареньком халате, потом снова на помидор.

И начал рисовать второй помидор.

Лидия Семёновна смотрела на него со стороны, не мешая. Она уже налила себе чай, села на стул, но не пила — наблюдала. Как внук прикусывает язык от усердия, как ведёт карандашом по бумаге, как останавливается, шурится, поправляет. Она замечала это не в первый раз, но сегодня — особенно остро. «Раньше драконы были, — думала она. — А теперь банки. Но какие же они живые, очень красивые».

Арут не слышал её мыслей. Он полностью был в листе, в том помидоре, который только начинал появляться из штрихов. Второй — значит, первый был пробным. А этот — правильным.

— Бабуль, — сказал он, не поднимая головы. — Ааа школа... там тооже банки рисуют?

Она усмехнулась, поставила кружку.

— В школе рисуют всё. Яблоки, вазы, даже людей. Но если ты захочешь нарисовать банку — никто не запретит.

Он молчал, провёл ещё одну линию. Потом вдруг:

— Ааа если яяя буду рисовать овощи, меняя... не будут ругать?

У неё ёкнуло сердце. Она понимала, о чём он спрашивает на самом деле. Не о рисунках. О том, примут ли его там, где другие дети. Где нет её, Лидии Семёновны.

— Не будут, — сказала она твёрдо. — А если кто-то скажет что-то нехорошее — ты мне сразу скажи. Я приду. Я всегда приду.

Он поднял глаза. В них — и благодарность, и страх. И ещё что-то, чему она не знала названия.

— Хорошо, — прошептал он и снова склонился над помидором.

За окном воробьи уже успокоились. Августовское солнце поднималось выше, заливая кухню тёплым, чуть пыльным светом. Арут рисовал. Бабушка пила чай. И в этой тишине — целая жизнь, которая пока что не знала, что через пять дней наступит первое сентября.

Арут стал очень аккуратным. Бабушка замечала это. Его пристальные взгляды под ноги, цепкие руки на стакане или тарелке, когда тот уносил в раковину посуду. Арут двигался так осторожно, словно от этого зависело что-то. Но особенно пугал взгляд Арута, когда он нёс что-то в руках.

Лидия Семёновна ловила себя на том, что сама замирала, глядя на него. Внук берёт кружку — и его глаза становятся напряжёнными, почти испуганными. Он смотрит не на кружку, а сквозь неё, будто видит тот самый хруст пластмассы, разлетающиеся осколки. Пальцы сжимают фарфор так сильно, что костяшки белеют.

— Арут, — тихо сказала она однажды. — Ты не разобьёшь. Это просто кружка.

Он не ответил. Только чуть ослабил хватку, поставил посуду на стол и выдохнул, словно только что завершил опасное дело.

Она не знала, как его от этого отучить. И боялась, что никак. Травма въелась глубже, чем ей казалось. Арут теперь не просто рисовал овощи — он жил так, будто вокруг него всё хрупкое. Даже то, что не бьётся.

Чтобы хоть как-то его успокоить, Лидия Семёновна решила приготовить его любимое блюдо. Картофельное пюре с котлетами — то, что он всегда просил на день рождения. Она делала всё не спеша, почти ритуально: чистила картошку, мелко резала лук, смешивала фарш. Арут сидел на табурете в углу и смотрел. Не на её руки — на то, как она двигается. Плавно, без резких движений. Будто танцует.

— Бабуль, — сказал он. — Ааа тыыы никогда ничего не разбиваешь.

Она остановилась, повернулась к нему.

— Разбиваю, — вздохнула. — Но это не страшно. Главное — не пораниться.

Он кивнул, но в глазах опять появилась та тень. Она подошла, погладила его по голове, потом вернулась к плите.

Пахло жареным луком. За окном август шуршал листвой. Арут слез с табурета, подошёл ближе, заглянул в кастрюлю.

— Можно яяя помогу?

Она улыбнулась. Протянула ему ложку.

— Мешай пюре. Только осторожно.

Он взялся за черенок. Пальцы снова сжались сильно, но она положила свою ладонь поверх его — мягко, не давя.

— Не сильно, — прошептала она. — Легче.

Он расслабился. Начал мешать. Кругами. Медленно.

— Хорошо, — сказала она. — Очень хорошо.

Он не ответил, но его плечи чуть опустились. И это была маленькая победа.

Маленькие победы в семье всегда требовали деликатности, осторожности. И они никогда не были громкими. Скорее тихими. Маленькие победы бывали частыми, а бывали просто незаметными, незначительными, будто в тени.

Прошло время. Картофельное пюре уже подходило к своему часу. Внук подавал бабушке нож, помогал чистить чеснок, время от времени кушая огурчики, хлебушек.

Они работали молча, но это было не то тяжёлое молчание первого вечера, а другое — уютное, как старая кофта. Арут тёр чеснок на мелкой тёрке, и его пальцы больше не дрожали. Только иногда он останавливался, переводил дух и смотрел на свои руки. Словно проверял: не сломали ли они что-нибудь снова.

— Бабуль, — сказал он, — ааа почему у нас огурцы хрустят так громко?

— Потому что они свежие, — улыбнулась Лидия Семёновна. — И радуются, что их не разбили.

Он задумался. Потом кивнул, откусил ещё кусочек и захрустел сам — нарочно громко. Бабушка рассмеялась, и он тоже, тихо, впервые за этот день.

Ужин получился обычным — пюре, котлеты, те самые уцелевшие огурцы из банки, что стояла в углу. Арут ел медленно, но с аппетитом. После еды помог убрать со стола — аккуратно, почти торжественно. Протёр клеёнку тряпкой, сложил салфетки. Лидия Семёновна не мешала. Она заварила ромашковый чай, и они сели у окна, где догорал последний восковой фонарь.

— Завтра, — сказала она негромко, глядя в темноту за стеклом, — нам надо в город. Тетради, карандаши, краски — к школе. А потом на рынок. Тётя Нина обещала привезти свежих помидоров.

Арут оживился, но не слишком. Спросил тихо:

— Ааа можно я сам выберу карандаши?

— Конечно. И альбом хороший. Бери какой захочешь.

Он помолчал, потом добавил:

— Бабуль, ааа рынок — это где много людей? Они, ээ.. не смотрят, как я иду?

Она поняла. Он боялся чужих взглядов, боялся уронить что-нибудь при посторонних. Она взяла его руку, сжала.

— Мы пойдём рано утром, когда людей мало. А если что — я рядом.

Он кивнул, прижался плечом к её плечу. С улицы тянуло ночной прохладой и мокрой травой. Август кончался.

— Ложись спать, — сказала она. — Завтра длинный день.

Арут послушно встал, поцеловал её в щёку, натянул пижаму и забрался под плед. Она погасила лампу, оставив только один фонарь на подоконнике — жёлтый, тихий.

— Спокойной ночи, бабуль, — донеслось из темноты.

— Спокойной ночи, внучок.

Он закрыл глаза. Она сидела рядом, смотрела на его лицо, разгладившееся во сне. «Маленькая победа», — подумала она. — Сегодняшняя.

И день ушёл, оставляя после себя тёплые краски.

Новый день пришёл не с солнцем, а с мелкой моросью. Август иногда плачет перед тем, как уйти. Лидия Семёновна проснулась раньше Арута, постояла у окна, глядя на серое небо. «Ничего, — подумала она. — Дождь не помеха».

На плите закипел чайник. Она нарезала хлеб, достала масло, вчерашние огурцы. Арут появился на кухне сам — заспанный, с вихром на макушке.

— Бабуль, дождь, — сказал он, глядя в окно.

— Вижу. Мы возьмём зонт. Или два.

Он помолчал, потом спросил:

— Ааа люди не смотрят на тех, кто под зонтом?

— Смотрят, — честно ответила она. — Но только чтобы не столкнуться. Им нет дела до нас.

Он кивнул, полез за кружкой. Пальцы сжались на ручке, но не так сильно, как вчера. Она заметила и ничего не сказала. Только погладила его по спине.

— Поешь, — сказала она. — Нас ждут карандаши.

Завтракали молча, но не тяжело. Арут смотрел на дождь, который барабанил по подоконнику, и, кажется, что-то считал про себя. Потом доел, вытер рот и сказал:

— Яяя готов.

Они оделись тепло: бабушка — в старое пальто, Арут — в куртку, которая стала маловата, но другую пока не купили. Взяли синий зонт и маленький складной, который Арут держал сам.

На улице пахло мокрыми листьями и бензином — от автобусной остановки. Они пошли пешком, потому что ехать было недалеко, а дождь почти перестал. Арут ступал осторожно, обходя лужи. Бабушка шла рядом, не торопила.

— Смотри, — сказала она, показывая на мокрый асфальт. — В лужах небо отражается. Красиво.

Он остановился, посмотрел. Кивнул.

— Онооо... как будто там ещё одно.

— Вот именно, — улыбнулась она.

Магазин канцтоваров находился на первом этаже старого дома. Когда они вошли, звякнул колокольчик. За прилавком сидела полная женщина в очках, вязала. Подняла глаза, улыбнулась.

— Здравствуйте, вам что?

— Мальчику в школу, — сказала Лидия Семёновна. — Тетради, альбом, карандаши, линейки, ручки. Сам выберет.

Она подтолкнула Арута вперёд. Он сделал шаг, потом другой. Глаза разбегались: цветные карандаши стояли в стаканах, альбомы лежали стопками, ластики пахли резиной. Он подошёл к прилавку, робко протянул руку к пачке карандашей.

— Ээети можно? — спросил он продавщицу.

— Бери, милый. Хорошие.

Он взял. Потом выбрал альбом — с плотной обложкой, без рисунка, чтобы самому рисовать. Потом ластик, точилку. Бабушка добавила тетради и ручки. Расплатилась, сложила всё в сумку.

— Спасибо, — сказала она.

— Пожалуйста. Удачи в школе, мальчик.

Арут покраснел, кивнул и выбежал на улицу. Там дождь почти кончился, только мелкая взвесь в воздухе.

— Ну как? — спросила бабушка.

— Хорошо, — выдохнул он. — Оона не смотрела странно.

— А зачем ей? Она продавец. Ей важно, чтобы ты купил.

— Бааабуля, почему тётя назвала меня милым?

— Потому что ты правда милый, Арут.

Он задумался. Потом улыбнулся — первый раз за сегодня.

— Пойдём на рынок? — спросила Лидия Семёновна.

— Дааа. Только яя сам понесу сумку.

— Тяжёлая.

— А яя аккуратно.

Она отдала ему пакет с покупками. Он взялся за ручки двумя руками, поднял, прижал к груди. Пошёл медленно, глядя под ноги. Она шла рядом, не предлагая помощи. И думала: «Ещё одна маленькая победа».

Они пошли по мокрому тротуару. Дождь почти кончился, только воздух оставался влажным и свежим. Арут смотрел под ноги, обходил трещины в асфальте — не потому, что боялся споткнуться, а потому что каждая трещина напоминала ему ту, на корзине. Но он шёл. И нёс сумку.

Рынок оказался негромким — утренний час, будний день, покупателей мало. Тётя Нина уже ждала их у входа, стояла у своей «копейки» с ящиком помидоров.

— Лида! Арут! — закричала она издали. — А я уж думала, вы не придёте.

— Пришли, — улыбнулась Лидия Семёновна. — Здравствуй, Ниночка.

— Здрааавствуйте, — тихо сказал Арут, не поднимая глаз.

— Ой, какой ты сегодня серьёзный, — тётя Нина наклонилась к нему. — Сумку сам несёшь? Молодец. Настоящий мужчина.

Он покраснел, но не отвернулся. Только переложил пакет в другую руку.

— Помидоры, — тётя Нина кивнула на ящик. — Свежие, с грядки. Помыла их. Арут, хочешь один? Они сладкие.

Он посмотрел на бабушку. Та кивнула. Он протянул руку, взял помидор — осторожно, двумя пальцами, будто стеклянный. Поднёс к носу, понюхал. Улыбнулся краешком губ.

— Спааасибо.

— Не за что, — тётя Нина подмигнула. — Лида, я ещё огурцов привезла. В машине. И банку варенья — ту, что ты просила.

Пока они разговаривали, Арут отошёл в сторону, сел на низкое ограждение, положил сумку на колени и принялся рассматривать помидор. Водил по нему пальцем, чувствуя кожуру. Потом вдруг поднял голову и сказал:

— Бааабуль, ааа он пахнет солнцем.

Лидия Семёновна обернулась. Посмотрела на внука — на его лицо, на котором медленно проступало что-то, похожее на покой.

— Потому что он вырос под солнцем, — сказала она.

— Ааа мы его нарисуем? — спросил Арут. — Сегодня. Вместе с тем, что я купил?

— Конечно. Как придём домой.

Он кивнул, аккуратно положил помидор в пакет, рядом с альбомом и карандашами. Встал, взял сумку двумя руками и направился к бабушке, обходя лужи. Шаг — пауза. Ещё шаг — пауза. Но он не спешил. И не боялся.

Тётя Нина тихо спросила:

— Что с ним? Будто хрустальный.

— Был случай, — коротко ответила Лидия Семёновна. — Теперь боится уронить. Даже себя.

Нина хотела спросить ещё, но передумала. Вздохнула, закрыла ящик с помидорами и сказала:

— Ладно. Я всё поняла. Вы идите, отдыхайте. А я вечером заеду, ещё кое-что привезу.

— Спасибо, Ниночка.

— Не за что. Арут, не теряй свою красивую сумку!

Он поднял голову, посмотрел на неё и вдруг сказал:

— Яяя не потеряю. Яяя аккуратный.

И пошёл вперёд, к выходу с рынка. Бабушка догнала его, взяла за свободную руку. Так они и шли — двое под серым небом, с пакетом канцтоваров и помидором, пахнущим солнцем.

На выходе Арут нёс всё аккуратно.

Они вернулись домой, переоделись в сухое. Лидия Семёновна поставила чайник, достала из шкафа старый рюкзак — серый, потёртый, но чистый. Расстегнула его на столе.

— Ну, — сказала она, — давай собираться.

Арут стоял рядом, смотрел на пустой рюкзак, как на пропасть.

— Бааабуль, ааа надолго?

Она замерла. Знала, о чём он спрашивает. О школе. Об интернате. О том, сколько дней придётся жить не здесь.

— До пятницы, — тихо сказала она. — Потом я за тобой приеду. Или тётя Нина. И мы будем вместе всё воскресенье.

Он кивнул, но не успокоился. Только взял с полки стопку тетрадей, которые купили утром, и положил на дно рюкзака. Ровно, уголок к уголку.

— Молодец, — сказала бабушка. — Теперь альбом.

Он достал альбом с плотной обложкой, подержал в руках, погладил. Потом аккуратно сунул в рюкзак, рядом с тетрадями.

— Карандаши — сюда, в пенал, — она протянула ему старый пенал с замёрзшей молнией. — У нас ещё есть.

Арут сложил карандаши, ластик, точилку. Проверил, закрывается ли. Потом положил пенал в боковой карман.

— Трусики, носки, футболки, — Лидия Семёновна открыла комод. — Давай вместе.

Она складывала вещи стопкой, а он помогал укладывать их в рюкзак — не комкая, а аккуратно, как учат в армии. Бабушка улыбнулась про себя.

— Ты у меня хозяйственный.

— Ааа если яяя всё сложу красиво, тооо ничего не разобьётся, — серьёзно ответил он.

Она не стала поправлять. Понимала: для него вещи — почти такие же хрупкие, как те банки.

Потом зубная щётка в стаканчике, паста, маленькое полотенце. Всё это — в отдельный пакет. Арут проверил каждую деталь.

— Бабуль, ааа мои рисунки? Можная взять несколько?

— Конечно. Выбери те, что хочешь повесить над кроватью.

Он подошёл к стене, где висели его овощи — помидоры, банки, та самая уцелевшая капуста. Долго смотрел. Потом снял три рисунка: помидор с трещинкой, банку с огурцами и тот, что рисовал под дождь — самый живой.

— Их, — сказал он.

Она аккуратно свернула их в трубочку, перевязала резинкой, положила сверху в рюкзак.

— Всё? — спросила.

Арут оглядел комнату. Задержался взглядом на столе, на карандашах, на бабушкином кресле. Потом подошёл к подоконнику, где стоял один из восковых фонарей — тот, что из старой банки.

— Эээто... можно яя возьму?

— Там свеча, — мягко сказала Лидия Семёновна. — В интернате нельзя зажигать. Но если просто поставить на тумбочку — можно.

Он взял фонарь осторожно, двумя руками, и сам завернул его в тряпицу, положил в рюкзак — отдельно, чтобы не бился.

— Всё, — сказал он твёрдо. — Теперь всё.

Она застегнула рюкзак, поставила его у двери. Арут подошёл, потрогал лямки.

— Бааабуль, — сказал он, не оборачиваясь. — Ааа ты... ты приедешь?

— Обязательно. В пятницу. Жди меня у входа.

Он повернулся. В глазах стояла та самая влага, которая не высыхает до конца, но он сдержался.

— Яяя буду ждать, — сказал он. — Ияя ничего не разобью. Честно.

— Я знаю, — ответила она. — Я верю.

Она обняла его — осторожно, не сжимая. Рука легла на бедро, чуть приподняла. Он выдохнул, прижался щекой к её плечу.

— Всё будет, — прошептала она. — Ты сильный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.